

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81

ТИПЫ ВСТАВОК АНГЛИЙСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПОТОК РУССКОЙ РЕЧИ

Касонина Юлия Александровна

Аспирант Православного Свято-Тихоновского гуманитарный университет (ПСТГУ), Россия

В данной работе излагаются результаты исследования вставок английского текста в устные и письменные русские тексты. До сих пор вопрос о подобном смешении языкового кода системно не анализировался. Материалом исследования является база примеров, созданная автором на основе проведенных с носителями языка интервью, собственных записей современной устной речи и корпусного поиска в корпусах – лингвистических корпусах (НКРЯ и ГИКРЯ) и естественных (Яндекс и Google).

В работе предложено краткое описание связанной с обсуждаемым явлением терминологии, представленной преимущественно у западных исследователей. Описываются термины «искусственное двуязычие / диглоссия / билингвизм», «code switching» / «code mixing». Также дан краткий обзор работ, связанных с классификацией смешения кода, созданных как русскими, так и западными исследователями, из которых наиболее значимой для задач данного исследования стала книга П. Муйскена.

В качестве основного результата в работе предложена и проиллюстрирована примерами классификация типов смешения языкового кода носителями русского языка, использующих английские вкрапления внутри русского текста. Классификация содержит шесть типов вставок, выделенных на основе особенностей их языкового оформления в рамках одного высказывания.

Ключевые слова: русский язык, вкрапления английского языка, смешение кодов, смена языкового кода, искусственное двуязычие, диглоссия, code switching, code mixing.

TYPES OF ENGLISH LANGUAGE INSERTS INTO RUSSIAN SPEECH

Kasonina Yulia Alexandrovna

Postgraduate of St. Tikhon's Orthodox University for Humanities, Moscow, Russia

This article represents the results of the research of inserts of English in spoken and written Russian texts. This phenomenon has never been analyzed systematically before. The foundation of this research is the base, built by the author with interviews conducted with Russian speaking responders, recordings of modern Russian speech, as well as corpus search – linguistics (RNC and GICR) and organic ones (Yandex and Google).

Most relevant terms for this phenomenon are represented in this article, its description mostly based on foreign researches. Terms that are included: «artificial bilinguality / diglossia / bilingualism», «code switching» / «code mixing». Also brief overview of articles that tries to clarify this phenomenon, most significant of all is P. Muysken.

As the primary outcome here a classification of types of English language inserts into Russian speech is represented, illustrated with examples. The final classification has six primary types of inserts, allotted to specific structure within the scope of one statement.

Keywords: Russian language, inserts of English, code mixing, code switching, artificial bilinguality, diglossia

В современном мире знание английского языка становится необходимым навыком образованного человека, которому нужен доступ к иноязычной информации в Интернете и международному общению. Хорошо знающий английский язык русскоязычный человек нередко по разным причинам использует английский в рамках устного или письменного общения на родном языке. Это порождает смешение языкового кода. Вставки фрагментов английского текста в родную речь сейчас, в период сформированного цифрового общества, в котором английский язык оказался основным языком межнационального общения, много более частотны для многих языков, чем в предыдущем веке. Это значимое явление – в частности потому, что многие языковые культуры видят в разнотипных вставках английского не заполнение семантических лакун или безобидную языковую игру, а посягательство на экологичность родного языка. Так и в случае с русским: широкое обсуждение и принятие законов, регламентирующих использование иноязычных элементов, подтверждают актуальность исследований вкраплений английского языка как международного в поток русской речи. Следует создать типологию таких вставок, опираясь на их лингвистические свойства и на мотивацию тех, кто их использует. Несмотря на то что обсуждаемое явление упомянуто в различных работах (см., например, работы Н. Н. Зайцевой [3], И. Л. Лебедевой [5], К.А. Мельниковой и С.Е. Изотовой [6]), системной классификации для русского языка не существует. Начальному этапу работы над описанием типов английских вкраплений в современной русской речи посвящена данное исследование.

Искусственный билингвизм как порождение глобализации.

Феномен глобального двуязычия давно перестал быть предметом исследования исключительно лингвистики, на данный момент это явление скорее относится к интересам социологии. Смешение языкового кода воспринимается государственными и академическими структурами резко негативно, поскольку посягает на целостность языковой культуры той или иной страны. Однако остановить масштабирование подобного явления в речевом поведении современного человека практически невозможно. Активное взаимодействие представителей разных стран с целью проведения деловых переговоров, развития торговли, обмена опытом, знаниями и идеями, даже просто ради расширения круг общения, ради коммуникации привело к всеобщему стремлению «говорить на одном языке».

Этим языком стал английский, активное внедрение которого в образовательную программу разных неанглоязычных стран¹ пришлось на период взросления поколения миллениалов, родившихся в 1982-2000 годах². Сочетание

¹ Речь в данном случае не идет о тех странах, где английский язык имеет статус государственного. Хотя примечательно, что в случае, если в стране одним из официальных языков является английский, он постепенно вытесняет своего «собрата». Так, в Ирландии лишь треть населения говорит на ирландском, зато 94% жителей владеют английским. Похожая ситуация сложилась в Канаде, где несмотря на то, что французский имеет статус официального языка, английским владеет 70% населения. Новая Зеландия в данном случае заслуживает особого внимания, поскольку языком коренного населения (маори) свободно владеет лишь 9% населения, несмотря на обязательное изучение его в школах.

² В современных лингвистических и социолингвистических исследованиях возникает необходимость различать речь и мировосприятие представителей разных поколений. Здесь будет использован подход из работ Е. Р. Добрушиной: «Говоря о поколениях, мы, сделав деление по возрасту чуть более дробным, используем термины и даты, которые предлагает В. В. Радаев, автор социологического исследования о современной России. Вслед за Г. Г. Молчановой мы остановились на терминах «миллениалы» (1982-2000 гг.) и «сентениалы» (2001 г. и позднее), отказавшись от более понятного многим слова «зумеры», которое используется в научных работах, в том числе В. В. Радаевым, но вошло в русский язык через интернет-жаргон и до сих пор несет отсылку к языку мемов» [2]. См. также о поколениях книгу В. В. Радаева [10] и статью Г. Г. Молчановой [7].

активного изучения английского и общения в Интернете на этом языке привело у развитых неанглоязычных народов к формированию международного искусственного билингвизма младших поколений – миллениалов и сентениалов. Это, в свою очередь, породило требование урегулировать количество допустимых англоязычных вставок в поток родной речи. Чрезмерное употребление подобных вставок строго порицается старшими поколениями (1947-1967 и 1968-1981 годов рождений), и зачастую в результате эта перенасыщенная иноязычными «суррогатами» речь получает названия, включающие негативную оценку, такие как рунглиш, френглиш, спанглиш, денглиш, конглиш и т.д. Чем интенсивнее используются вкрапления, тем более актуальным становится вопрос о чистоте языка.

Термины, описывающие искусственный билингвизм.

Итак, распространение английского языка привело в нашем веке к мировому искусственному билингвизму – так называют свободное владение вторым по отношению к родному языком в сочетании со способностью адекватно оценивать необходимость переключения языкового кода в рамках отдельно взятых коммуникативных ситуаций. Такое явление также можно назвать двуязычием, ср. определение, сформулированное В.Ю. Розенцвейгом: «Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [11, с. 7].

Английские слова в условиях глобализации являются наиболее естественным источником для расширения словаря других языков, поэтому именно они становятся варваризмами и экзотизмами. Как отмечает Ч. Хоккет [13, с. 318], иноязычные слова закрывают две потребности: заполняют смысловые лакуны и добавляют речи эмоциональную окраску. В современном языковом процессе у англоязычных единиц появляется еще одна немаловажная функция – они воспроизводят международный сленг, часто морфологически русифицируя единицы (*vibe*, *slay*, *sigma*, *pick me girl*, *trigger*, скроллить, изи катка и т.д.¹). Слушатель, относящийся к той же возрастной или профессиональной группе, быстро реагирует на переключение языкового кода; зачастую в родном языке компактного описания обсуждаемого явления нет и поэтому говорящий за счет английских вставок может выразить свою мысль наиболее эффективно, используя минимальное количество языковых средств и в то же время обозначая свою принадлежность к определенному микросоциуму.

Обсуждая иноязычные вставки, помимо терминов «искусственный билингвизм» и «двуязычие», необходимо упомянуть термины «code switching» и «code mixing», которые, обозначая что-то вроде «гибрид двух и более языков», широко используются в качестве взаимозаменяемых в современных англоязычных исследованиях (см., например, [12]). Единой трактовки для этих понятий на данный момент нет. Приведем примеры определений: «code switching» в двух словарях и полностью синонимичное «code mixing» у П. Муйскьена.

Cambridge Dictionary: «the act of changing between two or more languages, dialects (= forms of a language), or accents (= ways of pronouncing words) when you are speaking» [Электронный ресурс 1]. Перевод автора: акт перехода между двумя и более языками, диалектами (= формами языка) или акцентами (= способами произнесения слов) во время говорения.

Britannica: «process of shifting from one linguistic code (a language or dialect) to another, depending on the social context or conversational setting» [Электронный ресурс 2]. Перевод автора: процесс перехода из одного языкового кода (языка или диалекта) к другому, в зависимости от социального контекста или привычной среды.

¹ Кратко разьясим приведенные примеры, не имеющие на русском точного аналога: **vibe** — «настроение» или «атмосфера»; **slay** — «жги, детка», то есть одобрительный призыв проявить себя; **sigma** — «независимая от общества личность» (чаще мужчина); **pick me girl** — «девушка, которая пытается обратить на себя внимание любыми способами»; используется также по отношению к мужчинам, но без последнего элемента — **пикми**; **trigger** — «что-то, вызывающее резкую волну эмоций, чаще негативных»; широко используется в IT как название команды, запускающей процесс при определенных условиях; скроллить (от англ. *scroll*) — «прокручивать ленту новостей или иные данные»; **изи катка** — «легкая победа в игровой сессии компьютерной игры»; это международное сленговое выражение геймеров, происходящее от сочетание английского и русского слов.

Pieter Muysken: «I will preliminary define a mixed code as a way of speaking which shows evidence of substantial amounts of morpho-syntactic and/or lexical material from at least two different languages» [15, с. 315]. Перевод автора: прежде всего, я определяю смешение кода как способ говорения, который демонстрирует присутствие осязаемого количества морфолого-синтаксического и/или лексического материала из, как минимум, двух разных языков.

Классификации, описывающие иноязычные вкрапления.

Англоязычные вкрапления в потоке речи того или иного языка чаще всего классифицируются с точки зрения функции, которую они выполняют в рамках одной коммуникативной ситуации. Подобные типологии разрабатывают специалисты и зарубежного языкознания, и отечественного. Среди зарубежных исследователей стоит выделить П. Муйскена, Ш. Хоффмана и Ч. Хоккета.

Исследования Ш. Хоффмана [14] и Ч. Хоккета [13] в основном сосредоточены на внутренних причинах использования говорящими иноязычных вставок, таких как разговор на определенную тему, цитирование, проявление эмпатии, использование междометий, повторение с целью уточнения, пояснение речи для собеседника и проявление самоидентичности группы [13, с. 404]. В рамках нашего исследования наиболее важным видится подход к изучению типов языкового смешения П. Муйскена, рассматривающего структурные взаимодействия несколько языковых систем в рамках одной коммуникативной ситуации. П. Муйскен выделяет три вида смешения: вставку, регулярную смену и конгруэнтную схему:

вставка – элементы иностранного языка вкрапляются в свободный поток речи;

регулярная смена – в процессе вставки искажаются грамматические и лексические нормы основного языка;

конгруэнтная лексикализация – возможна в том случае, если два языка имеют схожую грамматическую структуру, что позволяет более-менее свободные замены большого объема слов в рамках одного предложения [15, с. 320-321].

Для построения собственной системы мы будем опираться на данную классификацию, однако она не является достаточной для типологизации всех вставок английского в поток русской речи, поскольку не учитывает, к примеру, фонетическое оформление речи.

Классификация английских вставок в русскую речь.

«Одалживание» элементов чужого языка происходит на пяти уровнях: лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и фонетическом. Из них самым исследованным с точки зрения смешения языкового кода стал лексический, в силу особого интереса к вставкам-англицизмам, варваризмам и макаронической речи как таковой – все это обусловлено вниманием к «экологии» родного языка (см., например, [8] и [9]). На фоне безусловной необходимости свободного владения английским как международным языком английская лексика становится своеобразным «костылем» не только для закрытия лакун, но и для экспрессивного самовыражения говорящего.

Наименее разработанным уровнем стала фонетика, несмотря на частотность вставок с фонетическими особенностями. Нарочитое «коверкание» произношения англоязычных слов и выражений внутри русской речи нередко становится намеренным и используется для создания комического эффекта, обеспечивает простоту произнесения, позволяет подстроиться под языковой уровень слушающего, чтобы использование вставки не восприняли как попытку похвастаться произношением. Все это возможно, если говорящий осознает, что деформация произношения не повлияет на его языковой образ и восприятие информации слушающим.

Ниже мы предлагаем классификацию англоязычных вкраплений в поток русской речи с точки зрения их оформления в рамках одного высказывания. Речь идет именно о вставках, а не о явлениях типа «рунглиш» (см. [4]), когда английские элементы занимают более 40% текста. В то же время вставки отличаются от англицизмов-неологизмов (фейк, хайп, спойлер, лайтовый и т.п.) тем, что их

использование в потоке речи нерегулярно, окказионально, они непривычны для слушателя и почти всегда выполняют функцию языковой игры. Опираемся мы при этом на созданную нами базу примеров, собранных в корпусах НКРЯ, ГИКРЯ и естественных Яндекс и Google (см. о методике корпусной работы с русским языком работу Е. О. Борзенко [1]), в записях устной речи и за счет около пятидесяти проведенных интервью с носителями языка разных поколений.

Нами выделено шесть типов англоязычных вставок в русскую речь.

Полное воспроизведение такой английской единицы уровня высказывания, аналог которой есть в русском языке

Примеры: *fifty-fifty; if you know what it is; much better; so-so; easy come, easy go* и др.. По классификации П. Муйськена подобные вкрапления можно отнести к первому типу – «вставки», поскольку они никак не деформируют основной поток речи. Ср. пример, где более уместно в разговоре между русскоговорящими использовать «гораздо лучше», но информант, видимо, в рамках самоидентификации в микросоциуме, предпочитает английское выражение:

(1) Когда я работала, и у меня косячили сотрудники, делали, исправляли, и я приходила и говорила: «*Much better*» [Устная речь, интервью (2025)]

Использование обоих языков в одном высказывании.

Примеры: *Maybe Америка is not great* вообще; этот файл у меня *broken*; ты это сделал *very good*. Это более интенсивное переключение, так как сочетает языки в рамках одного предложения, однако оно не нарушает нормы языков иначе, чем фактом вставки, поэтому в системе П. Муйськена мы отнесем его к третьему типу – конгруэнтная лексикализация.

Использованием русского формо- и слово- образования по отношению к англоязычным единицам.

Примеры: скроллингом смотреть; перетумач; доковский файл. Поскольку наложение русскоязычной формы на английские слова порождает искажение лексики и грамматики, то в системе П. Муйськена данный вид переключений похож, но не полностью совпадает со вторым типом – регулярная смена. Ср. следующее высказывание нашего респондента:

(2) Я педант, и если я что-то не понимаю, я перепроверю, чекну [Устная речь, интервью (2025)]

Использование англоязычной фразы как целостной – цитаты или окказиональной.

Такова зафиксированная нами в речи миллениала фраза *Are you crazy, man?* как реакция на неадекватный, неожиданный для говорящего поступок женщины. Примечательно, что английское слово *man* (мужчина) иногда теряет значение пола при смешении языкового кода, сохраняя лишь значение человек. Так, нами зафиксирован пример приветствия «*Hey, man!*» также по отношению к девушке. Соответственно, по системе П. Муйськена мы отнесем это языковое явление ко второму типу – регулярная смена.

Использование на письме английского фрагмента на латинице внутри русской записи.

Это вариация второго типа, но на письме, так оно дает дополнительную возможность подчеркнуть вставку выбором нерусской графики. Ср. пример из короткого видео в соцсетях:

(3) Когда ты 6 лет в отношениях с женщиной, она тебя натренирует и на стульчики, и на дверцы, и на *side walk* [Из письменной речи – субтитры к визуальному контенту (2025)]

Подобные примеры часто встречаются в субтитрах роликов соцсетей, которые всегда редактирует автор. Переключение раскладки можно отнести к особенностям речевого поведения конкретно взятого носителя языка. В этом отношении поведение носителей языка различно даже в рамках одного поколения, зависит от индивидуальных предпочтений.

Русифицированный фонетический облик иноязычных вкраплений в устный текст.

Такова фраза Лэт ми спик фром май харт как пародия на слова Виталия Мутко. Его слова стали мемом и активно используются в речи носителей русского языка после того, как на заседании ФИФА 2 декабря 2010 года при обсуждении вопроса о проведении чемпионата мира 2018 года с докладом от лица России выступил Виталий Мутко, который на тот момент занимал должность главы Российского футбольного союза. До сих пор фраза бытует в культуре как один из примеров рунглиша. В силу подготовленности и выверенности текста официального доклада фраза не содержала искажения языковой конструкции, искажение произошло именно на фонетическом уровне из-за особенностей произношения чиновника. По П. Муйськьену, это, видимо, конгруэнтная лексикализация, но не лексическая или грамматическая, а не учтенная исследователем фонетическая.

В данном исследовании описаны роль и предпосылки искусственной диглоссии в современном обществе. Раньше данное явление естественным образом внедрялось колониальными странами, где английский с течением истории так или иначе вытеснил языки коренных населений. Современное же двуязычие основано на широком распространении интернета, и стало скорее социальным и, в той или иной мере, добровольным языковым явлением.

Нами кратко рассмотрены термины «искусственный билингвизм», «двуязычие», «code switching» и «code mixing» и типы классификаций иноязычных вкраплений, из которых самой актуальной для темы исследования оказывается система, предложенная П. Муйськьеном.

На основе собранной нами корпусными методами, а также через интервью и записи устной речи базы примеров предложена, кратко проиллюстрирована и соотнесена с идеями П. Муйськьена новая классификация вставок английских элементов в поток русской речи. Далее она будет расширена и доработана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенко Е.О. Методы корпусного анализа частотности и динамики языковых единиц в 2024 году // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2024. Вып. 80. С. 11-22.
2. Борзенко Е. О., Добрушина Е. Р. Взаимодействие поколений при функционировании жаргонизмов, или Биография лексемы ЧСВ. // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2026 (в печати).
3. Зайцева Н.Н. Заимствования как причина трансформации современного лексического уровня языковой системы. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №1-2 (100). С. 150-152.
4. Касолина Ю. А. «Рунглиш» – слово, понятие, явление. 2026. В печати.
5. Лебедева И.А. О некоторых особенностях функционирования русского варианта английского языка в письменном дискурсе. Вестник Московского Университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №1. С. 61-74.
6. Мельникова К.А., Изотова С.Е. Особенности словообразования в рунглише (на материале дискурса индустрии компьютерных игр). Казанская наука. 2023. №12. С. 413-415.
7. Молчанова Г.Г. Генерационная поликодовость коммуникативных модусов. Какой он, человек нового поколения? // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2021. № 2. С. 9–16.
8. Пастухов М.М. Языковой фактор влияния глобализации. Аллея науки. 2018. Т. 4. №1 (17). С. 533-537.
9. Петрова Т.К. Английский – языки глобального общения. Филологический аспект. 2023. №5 (97). С. 84-89.
10. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: 2023. – 296 с.
11. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 5-24.

12. Burdygina M.A. Code-switching (Russian – English) in the discourse of IT-specialists from Moscow. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Т. 14. №10. С. 1581-1591.
13. Hockett Charles. A Course in Modern Linguistics. New York: The Macmillan Company. 1958. – 621 p.
14. Hoffman Charles. An Introduction to Bilingualism Chapter 2. London: Longman. 1991. Pp. xiv+353.
15. Pieter Muysken, Bilingual speech : a typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. xvi+306.